

Игорь Шестков "Африка"

Советский специалист! Красиво звучит? Говно на лопате! Император Жан-Бедель Бокасса первый. Четырнадцать лет страной правил. Людоед! Это нормально? Глава государства филейные части школьников поедал. Холодильники специальные в дворцовых подвалах ему немцы смонтировали. Взрослых не ел – брезговал. Хотел телятинки. Неженка! А мы там по хлебу черному скучали. И по простой воде из под крана. Там ведь нет водопровода. Только жижа из бака на крыше течёт. Пить ее нельзя. Мыться можно. Помоешься – а потом противно. А питьевую воду – покупать надо было. Работали мы в университете по программе ООН. Говорили по-французски, естественно. Там все по-французски шпарят. И французов полно. Есть и португальцы. Ну и всякой швали тоже много. Ливанцы, ливийцы, кубинцы и черные всех сортов от антрацита до бурого угля. Высоченные есть, сара. Есть и маленькие – пигмеи бабинга. В городе их не видно, по лесам ошиваются. А наших туда посылали, потому что Бокасса у Лёни в дружбанах ходил. Мы ведь во все суем нос, если нам по рукам не дают. Я туда из-за квартиры поехал. Мне начальник сказал: «Отсидишь три года в Африке, мир посмотришь, валюты привезешь, кооператив построишь и машину купишь. Ты кадр проверенный. Тебе доверим. Только не пей там сильно, крыша поедет. И на черножопых баб не ложись – уважать перестанут». Только этого мне не хватало для полного счастья! У них мандавошки железные и размером с кузнечиков...

Легко сказать – не пей! А что еще делать? Днем – жарница. Ночью прохладно. Но москиты зажирают. Сетки у нас на окнах были с дырками. Залетали, твари. И мушки желтые мучили. Кусали не больно. Но укусы неделями зудели. Распухали. А потом из гнойников червячки вылезали. Здравсте! Некоторые часто на природу ездили. Водопады, обезьяны... Слоны где-то бродят... Носороги... Как это в песне – бегемоты и жена французского посла. А я не ездил. Тошно! Я Подмосковье люблю. Березки и осины. Речки маленькие. Коров. Землянику. А носороги пусть в зоопарке сидят вместе с Бокассой. Лидка малярию подхватила. Как затрясло ее! А у Витьки понос начался.

Прививали, прививали нас в районной поликлинике, кололи, в рот что-то пихали, ничего не помогло. В госпитале французском определили: «У ребенка – дизентерия, у жены – малярия». Хорошо еще не желтая лихорадка! За два года до нас двое русаков тиф получили. Другие с трофическими язвами на родину вернулись, а одна женщина, врачиха, так, вообще, – слоновость заработала. Это когда ноги толще чем у слона делаются. Паразит в крови живет. И убить его нельзя. Ко мне вот, ничего не пристало. Ни чума, ни холера. А Лидка расквасилась. Разнылась. «Не могу, – кричит. – Пропади все пропадом! Хочу в Москву! И Витеньку с собой возьму. Мальчик с толчка не слезает». Пришлось домой отправлять. Когда прощались, подумал: «Может, последний раз ее вижу?»

От этой мысли я не расстроился, а наоборот, даже развеселился. Домой пришел, выпил пивка холодного и спать лёг. А перед сном размечтался. Вот, думаю, брошу тут все, куплю карабин и подамся в Южную Африку, к расистам. Приду и скажу: «Примите меня, господа, надсмотрщиком на алмазный рудник. Буду негритосов стеречь, чтобы они свое место знали и камни не тырили. По-русски умею, французский хорошо, английский так себе. Алкоголь употребляю умеренно».

Лидка ко мне больше не приезжала. Так без семьи и жил в загранке. По сыну скучал, а Лидка – что от нее толку? Пролетело времечко наше. На какой помойке прошлое отдыхает? Говорил мне шеф наш, Тришкин: «Не приветствуется... когда без жены. Сверху указание дано. Ты, Кривошеин, не мальчик уже, правило знаешь – облажаешься, в двадцать четыре часа на родину. И – под суд.

Присмотри себе кого из персонала посольства. Там вроде вакансия открылась. Валя-бухгалтерша. Хоть и стара севрюга, но советская. Инструкцию помнишь? С австралопитеками – никаких близких контактов!»

Как же мне хотелось ему тогда в рожу плюнуть! Прямо в пасть, из которой водкой и чесноком несло как дерьмом из унитаза. Вы бы послушали, что он нам на партийных собраниях выдавал! Каким верным интернационалистом-ленинцем представлялся. Я сдержался, не плюнул. Всю жизнь сдерживался. И с Валькой этой я был знаком. Я бы на нее и срать не сел. Задрипа. Морда в прыщах, голос визгливый и у половины колонии в рот брала. Ничего, думал,

как-нибудь продержусь без бабы. Не впервой. Когда служил на точке под Минском, девушек три года не видел. Ну и что? Вся часть дровичла. Прямо на дежурстве. Дело молодое. Был у меня большой шёлковый платок с вышивкой. Медвежонок на пне. Бабуля подарила. Так вот этот медвежонок на себя больше струхни принял, чем жена французского посла. Я платок не стирал. Сушил только в каптёрке. Вонял он странно. Мертвечиной какой-то и мудями. Жили мы в столице. Банги. Дыра! Аборигены в цветастых рубашках ходят, мослами играют. Купила мне Лидка такую рубаху. Надел разок. Расхаживал под пальмами как павлин. Улыбался, идиот черепаховый. А вечером – бобо. Начала с меня шкура слезать. Простоквашей лечился. Химия в этих рубашках адская. Неграм все равно – у них кожа как у гиппопотама. А белый человек коростой покрывается.

Река там – Убанги. Жёлтая. Наши острили – сидим в банке на реке ****ке... Жили на вилле. То ли французы, то ли португальцы для своих построили. На три семьи. С видом на речку. На той стороне – Конго. Там вообще война. Кто красный, кто белый – не разберешь. Повстанцы, блин! Национально-освободительное движение! Кто, кого, от чего освобождает? А к нам река отрубленные головы выбрасывала. Крыся одну голову подобрал, в полицию не понес, высушил. Назвал голову «Патрисом». Лумумба вроде. Показывал своим по пьянке, открывал голове рот и говорил: «Патрис, покажи товарищам зубки!» Мы смеялись, хотя и коробило.

До работы идти – пятнадцать минут. Прогуливались. Негры перед тобой спину не гнут, но уважают. Ты преподаватель. А на родине ты не человек даже, а младший научный сотрудник, мнс. Грязь на подошвах. Французы – ребята нормальные. А португальцы – те как индюки. И ножи с собой носят. С Бокассой надо было вести себя осторожно. Из его кортежа могли выстрелить. Просто так! Не верите? Жаба, п.дор, кортеж императора на казенном «пежо» обогнал. Бокасса увидел и обозлился. Послал двух мотоциклистов его догонять. Догнали Жабу, остановили, во дворец отвезли, козью морду сделали. Вообще-то негры белого боятся бить. Застрелить – это могут. А руками – робеют. Выучили их французы. Целыми деревнями сжигали, когда тут восстание было. Консул ездил Жабу выручать.

Преподавал я математику. На первом курсе. Алгебра, пределы, производная...
Графики строили простенькие. Анализ. Негритосы учились прилежно, не то, что наши. Записывали. Даже домашние задания делали. Только образования им не хватало. Зато дисциплина – во была! В каждой аудитории за последним столом надсмотрщик сидел. Если кто шумел, мог ударить, или, еще хуже, – на императорский шашлык записать. Работать было легко. В день – две пары. Изредка три. А потом что? В «буру» играть надоело. Деньги тратить жалко. Платили нам хорошо. ООН – не Московский университет. Но две трети у нас сразу отбирали. Тришкину сдавали. «Добровольно». На остаток – не разгуляешься. А что без денег делать-то?

Пили беспросветно... Рыбачили. Зверья тут полно. А мы не охотились. За это нас могли из Африки в два счёта вышвырнуть. Свои же, посольские. Сафари – только для начальства. Им можно. Сынок Подгорного тут бывал, антилоп завалил – целое стадо. Старожилы рассказывали, маршал Гречко приезжал с целой армией. Но не ради носорогов. Этого рыхлого дядю больше плотские утехи интересовали. Бокасса, говорят, ему девственниц со всей страны собирал... А у нас одно развлечение было – «танцы». Негритоса какого-нибудь зазывали и ему стакан наливали. Через пять минут начиналась потеха. Негр выпьет, зубы скалить начнет, запоет что-нибудь. Потом сядет на пол. А затем, когда водка его проймет, он на полу «танцует». Ноги вверх выкидывает, руками загребает, а рожей в пыль уткнется и как рыба воздух губами хватает. В умат! А мы вокруг сидим, смотрим.

В конце «танца» негрила дергался, задыхался, пену пускал. По полу катался как сумасшедший. Потом головой об стену бился. Драма, прямо. Наши говорили: «Во, Отелло, пошел рубить». Тут у нас происходило соревнование. Кто босой ногой негриле по моське удачней смажет. Я не бил, а другие баловались.

Чемпионом у нас Черкашин был. Техника у него была особенная. Он себя последователем Бруса Ли называл. Наш Брус Ли стоял на одной ноге возле негра, а другой ногой аккуратно так работал. Бил точно – большим пальцем в губы или в ноздрю. Попав, отмечал удовлетворенно: «Ну, п.здато! П.здато по брыдлу гунявому попасть. Ах, яйца!»

Этот Черкашин и втравил меня в то дело. В лес, говорил, поедем. Парочку

ушастых пигмеев добудем. Соревнование устроим. Скальп домой привезешь. Или череп! Из мошонки кошелек сшить можно... Сафари будет! П.здато! На любого зверя разрешение покупать надо, а пигмеев можно, как кошек, бесплатно убивать. Властями не преследуется. Их тут и за людей не считают. Яйца!

Почему я согласился – не знаю. Со скуки. Думал – пошлют ребята и бросят. Ну, какие мы охотники за черепами? Никто раньше срока в Союз возвращаться не хочет. Деньги все давно рассчитаны. Драпать некуда – вокруг Африка. Дома у всех заложники. Поездим, походим, может, антилопу какую подстрелим, или кабана, шашлык сделаем. А пигмеи, если не дураки, смоются.

Подготовились мы хорошо. Даже ружья где-то достали. Тут на черном рынке не только ружье, гранатомет купить можно. Женам ребята сказали – на рыбалку едем, к водопадам. Утречком выехали. Вел машину Никулин. Рядом с ним сидел Черкашин. А сзади я и два дружка закадычные – Крыся и Жаба.

Вначале дорога была ничего, асфальт и грунтовка. Ехали и песни горланили. «Солнечный круг», «Чунга-Чанга», «Оранжевое небо». В Москве слушать всю эту муру противно. А в Африке – сами пели. Что еще-то петь? Интернационал? Или «Принцессу Турандот»?

По дороге жирафов видели. Красивые звери. Черкашин хотел прямо из джипа по ним из ружья долбануть. Отговорили. Жалко животных. Да и куда их потом девать?

Речку на пароме перехали. Потом ударились в лес, медленно-медленно поперли. Вроде как по просеке. Хорошо январь был – сухо. А в дожди тут и на танке не проедешь. Часов шесть маялись. Сами не знали, куда забрались. Может и в Конго. Устали. Решили лагерь разбить. Нашли что-то вроде поляны. Расчистили слегка. Поставили машину у огромного баобаба, в тени. Натянули маленькие палатки. Костер развели. Никулин пень здоровенный притаранил. С боку его запалил, чтобы горело долго. Сели вокруг огня на раскладные стулья. Чаек заварили. Закурили. Тут и за вечерело. Небо было еще светлое, оранжево-серое. А внизу, под кронами, – темно. Лес свистел, стрекотал, рычал... Концерт, прямо. Крыся сказал: «Я уже год в Больших Бангах, а в настоящем тропическом лесу – впервые. Жутко тут, ребята, а? Как бы лев какой не притащился. Рычит кто-то в чаще».

Опытный Никулин попытался его успокоить: «Ты не ссы, Крыся, в компот, там ягоды! Львов тут нет, они в саванне. Леопарды есть, но они человека боятся. Осторожные твари. Да и сытые они. Пигмеи тут без ружей живут. Никогда не слышал, что пигмея леопард загрыз».

Жаба заметил: «Пигмеи их отравленными стрелами... Из трубочки – пух. И леопарддохнет в страшных мучениях. А пигмеи его давай – резать и в кашу». «Ну, что ты несёшь, Жабенция, пигмеи кашу из слонов и крокодилов лопают! Ну иногда, для разнообразия, мясо бегемота добавляют. И попугаев маринованных на закуску...»

«А я слышал, пигмеи жирафью печень сырую жрут. Чтобы хоть немножко вырасти. Гааа!»

Черкашин проговорил металлическим тоном: «Кончай бузить, братва! Придёт леопард, а мы его по морде чайником! – А потом сладко, голосом доктора Айболита добавил. – Завтра начнем охоту. Поищем в чаще маленьких ушастых обезьянок. Угостим их свинцовыми орешками и потянем за ушки. Пздато будет! Яйца». Сделал каратистскую стойку и наш тяжеленный закопченный чайник поднял на вытянутой руке. Крякнул воинственно.

Я сказал: «Мужики, вы что это... Всерьез? Пигмеев убивать хотите?»

Жаба откликнулся: «Лёничка зассал. Нет, убивать не будем... Только за лапки подергаем. А ты с Крысей тут в лагере останешься. Провиантом займешься. А мы тебе вечером пигмейскую головку принесем. На пояс повесишь. От сглаза помогает. Лидке в Москве подаришь, Швейцер хренов!»

Крыся заартачился: «Не хочу я с Кривошеиным тут сидеть и голов ихних мне не надо, – Патрис ревновать будет. А вот на пигмеек посмотреть желаю. Говорят, они ладненькие и податливые. Белых боятся и сейчас же раком становятся...»

«Что тебе, Иветты мало, что ли... Не баба, а бык, только с выменем...»

«Не понимаешь ты, Жаба, жизни... Я с Иветтой уже десять лет живу. Она женщина значительная, но... Однообразие заколебало. Иветта большая, на ней лежишь, а чтобы лицо увидеть, в бинокль глядеть надо. А пигмеечки маленькие, как детки...»

«Свежего мясца тебе захотелось, Крыся, обращайся к Бокассе... Он на это дело мастер».

«Тьфу на тебя, я же не есть хочу, а пощупать... Может быть и целочку найду...»

«Вот ты целки и ищи, а мне поохотиться хотца. Чтобы как в кино. Сафари. Уу-аа-уу!!» Жаба поднял руки и изобразил Тарзана.

«А как насчет отравленных стрел, пух... И так далее. Сам сказал – подохнут в страшных мучениях».

Никулин проговорил авторитетно: «Стрелы – опасность серьезная. Если мужиков-пигмеев заметим, сразу замочим. Чтобы не мешали. Головыотрежем и с собой возьмем. На сувениры. В муравейник положим.. Мураши за три дня очистят. Потом можно отполировать и лаком покрыть. А с девками поиграем вначале...»

Я не удержался: «А детей, что, живьем засолите, что ли?»

«Ты че, Леня, разволновался? У тебя кровяное давление не поднялось? Пигмеи – не люди, пойми это, наконец. Обезьяны они. Ты, когда в музее чучело гориллы осматриваешь, что, тоже, рыдать начинаешь? А насчет – засолим, идея не нова. Я такое в Африке уже видел. На рынке продавали – в пятилитровках, то ли засоленных, то ли замаринованных, то ли в формалине. От семимесячных недоносков лет до двух были дети. Негры, естественно...»

«Если бы твоего Митьку кто засолил, ты бы так не разглагольствовал...»

«Знаешь что, Кривошеин, ты лучше помолчи... Не порть нам охоту. А то договоришься, Швейцер! Говорил я тебе, Брус, не надо Кривошеина с собой тащить! Неврастеник он. К совести будет взывать, душу травить!»

Черкашин отозвался, зевая: «Не гони пургу, Жаба. У тебя души давно нет. Ты её в карты проиграл. Кривошеин – не дятел. Сказано – сделано. Будет Сафари.

Добудем скальпы. Все будет п.здато. Яйца».

Тут все к ночлегу готовиться стали. Никулин остался у костра дежурить. Ружье положил на колени. Раскурил трубку. Через три часа его должен был сменить Черкашин, потом заступал я, за мной Жаба и Крыся. Напоследок Никулин сказал Крысе многозначительно: «Кто не умеет или боится, стрелять – только в воздух. Я через двадцать секунд буду тут».

Крыся промямлил: «За двадцать секунд лев меня не только съест успеет, но и косточки обсосать!»

«Опять ты за своё! Не будет тебя, Крысуля, лев жрать. Не жрёт он грызунов!»

«А блондинистых лягушек ыз Кыива он жрёт?»

Ночью Черкашин разбудил меня. Я долго не мог понять, где я. Думал, – дома, в тещиной квартире на Теплом Стане. Туалет искал. Насилу в себя пришел. И вот, сижу я, в костер смотрю. А в костре картины... То город огненный покажется, то цыганка затанцует. Как от огня глаза отведу, так взгляд поневоле в черный лес устремляется. А там тени мелькают. Огоньки. Или желтые глаза зверя хищного? Взял меня мандраж. Положил я ружье на колени. Снял предохранитель. И заснул.

И снится мне, что я иду в Москве! Где-то около Коньково. Все как положено, – слева лес, справа – новостройки. Ищу мой дом – девятиэтажку брежневскую. Плутаю, плутаю. Вдруг вижу – сидят на лавочке люди. Подхожу поближе. Это мои африканские приятели сидят – Черкашин, Крыся, Жаба и Никулин. На глазах у них почему-то повязки. Левой рукой каждый ребенка держит. А в правых у всех – конторские ножницы. И этими ножницами они детям пальчики и ручки стригут. Дети бьются, кровь течет. Неловкий Жаба попал ребенку концом ножниц в глаз и режет, режет...

Подбегаю я к ним. Хочу ножницы отобрать и детей выпустить. А они – повязки с глаз сняли, на меня смотрят и гогочут. Показывают мне детей – а это не дети, а картонки для вырезания... Белочка, собачка... И крови больше нет. Вот, морок! Говорит мне Черкашин: «Ну, что Леня, пора на охоту! Жаждались нас зверята ушастые».

А Жаба заухал по-совиному: «КОАПП! КОАПП!»

Никулин провозгласил голосом артиста Погоржельского: «Начинаем заседание КОАППА! Сегодня на повестке дня: Красный болотный козел, гигантский лесной кабан, желтоспинный дуйкер, хартбист Лолвелла, белый носорог, эланд лорда Дерби, бонго, синг-синг, бородавочник, бабуин светло-желтый и пигмей лесной обыкновенный... Стрелять рекомендуется в район сердца, чтобы не повредить трофею голову. Цены в таксодермических мастерских растут постоянно... Самым ценным для охотника является наличие у трофея густой гривы».

Я спросил: «Здесь что ли, в Москве, охотится будем? Вон там – Беляево, а здесь – Теплый Стан. Даже шпиль университета видно. Какая тут охота?» А мне

отвечают: «Ты посмотри вокруг повнимательнее!» Осмотрелся я, – действительно, джунгли везде. Лес дремучий. Лианы висят. Макаки прыгают. Белый носорог пробежал. Мухи Цеце летают. Тяжело пробирается сквозь джунгли израненный работоторговцами пятнадцатилетний капитан.

Пошли мы пигмеев искать. В руках у нас ружья. На головах – ковбойские шляпы. На ногах – мокасины. Вдруг Никулин останавливается и рукой показывает – замрите, мол! Мы замираем. Видим – впереди речка. Ручеек. А в нем пигмеи копошатся. Рыбу ловят в запруде. Прямо так, руками ловят.

Женщины и дети. Голенькие все.

Тут бросил Крыся свое ружье на землю и как лев с места в речку прыгнул. Приземлился ловко. Руки растопырил. Схватил какую-то пигмейку. И на ее хватать и к себе прижимать. И другие тоже ружья побросали, разделись и к пигмеям попрыгали. Плещутся, играют. А я на берегу сел. По-турецки. Сижу и думаю – что будет, если пигмеи-мужчины сейчас с охоты придут? У них же отравленные стрелы... И тут же, как из под земли, появляются шестеро пигмеев. Они идут тихо, легко, цепочкой, и у каждого в руках – трубочка. Смотрят в землю. Поднимаю я ружье, прицеливаюсь в первого и стреляю. Он падает как металлическая мишень в тире. А я кладу остальных, одного за другим.

Тут я проснулся. Светло уже. Тихо в лагере. Спят, что ли, еще? Отдернул полог у Никулинской палатки. Заглянул. Нет Никулина. Только трубка холодная на полу лежит. Где же он? Заглянул к Жабе – и его нет. И остальных тоже. Пустые палатки. Начал звать. Заорал как бешеный. Из лесу эхо ответило. Или завыл кто? Может, они на охоту без меня ушли? Без ружей? Вот они все, тут, в железном ящике. Встали и в лес поперли? Чтобы надо мной посмеяться? Может, их звери дикие растерзали? Или повстанцы похитили? Или нас всех, пока мы спали, пигмеи отравленными стрелами отделали? Тогда и меня бы убили. Тут мне страшная мысль в голову пришла – может быть, мертвый я? И все, что перед собой вижу – это загробный мир? Смерть всегда рядом со мной стояла. Как холодный каменный истукан. Холодом этим часто на меня веяло. А тут, вдруг, самое нутро мое страх заморозил.

Тут я змею увидел. Кольцом свилась. На чем это она лежит? На рубашке на

Крысиной. Иветта ему неделю назад купила. С муравьядами рубашка. Смеялись все. Говорили – тебе с крысами лучше бы подошла. А сейчас на ней кобра устроилась. Голову подняла, и раскачивается. Полосатая. Чешуя металлом отливает. Прямо в глаза смотрит. Гипнотизирует. Знаем, читали. Приподнял я медленно ружье, прицелился в капюшон и саданул. Не знаю, что за патрон был в ружье. На слона зарядил Никулин? Ни змеи, ни рубашки не нашел. Как сдуло. Стал опять орать, друзей звать. Без толку. В лес идти не хотелось. Темно там. Змеи. Пошёл по просеке. Помнил, метрах в четырехстах от лагеря переезжали мы речушку маленькую. Вода даже до полколеса не доставала. Решил до речки дойти, умыться. Шёл, шел... Нет речушки. Что за напасть? Назад потащился. У нашего баобаба меня сюрприз ждал. Не было на поляне ни джипа, ни палаток, ни железного ящика с оружием! Даже уголки от палаток, в землю как колышки вбитые, исчезли.

От этой новой пропажи я не отчаялся, а наоборот – стало мне почему-то легко-легко, как будто вес потерял или ответственность с меня сняли. За жизнь, за тело... И на душе прояснилось, как в небе после грозы. Ни страха, ни беспокойства, ни надежды...

Впал я в исступление, начал дурить. Вокруг баобаба обежал раз двести. Кружился и трясся как хлысты-трясуны. До головокружения и икоты. Прыгал, визжал, пел. Потом замер как ящерица и долго на лес глядел. В темноту всматривался. Может, кто оттуда выйдет? Размышлял о божественном и земном. И вот к какому выводу пришел – зря люди всю жизнь стараются, из кожи вон лезут. Не смотрит никто на нас. И не слушает. Одни мы. Вспомнил я тут свою глупую жизнь и захохотал. Целый час смеялся. Потом долго на Солнце глядел. Сделал открытие – Солнце по небу не плывет, а торчит всегда на одном месте. Только днем оно – сверкающее блюдце, а ночью – черный котел.

К вечеру пить захотелось мучительно. Полез на баобаб, напился черной воды из дупла. Вода была кислая. Нашел место поудобное среди толстых ветвей, прилег. Свистело и стрекотало так, что уши закладывало. Ревели джунгли как ураган. Как лешие бегали по толстым веткам баобаба тени. Трещал огромный ствол. Тихо шуршали лапками бесчисленные муравьи. Земля беззвучно летела в пустоте. Мое сердце не билось.